ooo

Наруто покинул Академию в раздражении и не стал возвращаться в свою квартиру. Он был уверен, что уже не раз говорил себе об этом в тот день, но он действительно ненавидел Орочимару. То, что его заставили пережить еще более отстойную версию его первого дня в качестве ниндзя, было достаточно плохо, но то, что его заставили пережить это в качестве неуклюжего человека высшего порядка, просто выводило из себя. К тому же все это было полным бредом. Орочимару не должен был так себя вести. Такое гендзюцу использовал бы сам Наруто - если бы у него был хоть намек на талант к этому мастерству - что-то, что раздражало бы и, возможно, унижало его противника, но не обязательно причиняло ему вред. Пока же это было не более чем неперверсированной гендзюцу-версией Секси-но Дзюцу... Возможно, это было чертовски забавно для пользователя и безумно раздражало жертву, но не служило никакой другой цели, по крайней мере, насколько Наруто мог судить.

Он не был уверен, куда именно ведут его неустойчивые ноги, и был слишком погружен в размышления, чтобы заботиться об этом. Он не замечал взглядов, которые бросали на него жители деревни, не слышал их насмешек, когда он спотыкался, и криков отвращения, когда они улавливали его зловоние. Он просто продолжал идти.

В конце концов он замедлил шаг и остановился, подняв голову и улыбнувшись тому, что обнаружил. Он стоял перед тремя столбами тренировочной площадки, где он, Сасукэ и Сакура официально стали командой номер семь. Вдалеке слышалось журчание ручья, и, не оглядываясь через плечо, он понял, что позади него стоит большой кенотаф. Он не мог заставить себя повернуться и взглянуть на него, не то что после всех имен, которые ему пришлось высечь по приказу - на самом деле он сам написал несколько имен своих драгоценных людей.

Если Орочимару был прав, то на голубовато-зелёном камне не было и половины имён, которые Наруто видел здесь в последний раз, но если там были Сакура, Какаши, Конохамару и все остальные... он бы не смог этого вынести, после всех тех образов, которые он видел, проснувшись тем утром.

Поэтому он встал спиной к мемориалу и пошел к ручью, решив, что, пока есть возможность, можно постирать одежду. Формально он знал, что вода не настоящая, как и одежда, и вонь, и все остальное вокруг, но ему надоело думать, что от него воняет, и он хотел почувствовать себя чистым, даже если это все иллюзия.

Раздевшись до пояса, он сел в траву рядом с быстро текущей водой, которая была ненастоящей, и окунул куртку в ледяной поток, массируя пальцами испачканную ткань в попытке освободиться от того, что заставляло его мозг думать, что он воняет. После нескольких минут работы он вытащил куртку и экспериментально понюхал ее, сморщив нос от вони, которая все еще держалась на ней. Он снова и снова окунал ее в воду, и снова и снова она воняла, когда через мгновение всплывала обратно.

Ему пришла в голову мысль, что отмыть вонь невозможно, потому что она является частью гендзюцу и будет продолжать вонять до тех пор, пока Орочимару не решит прекратить это. Он

уже почти сдался, когда услышал позади себя треск веток и тревожный вздох.

Поднявшись на ноги, Наруто крутанулся на месте и поднял руки, чтобы защититься, но обнаружил, что вложил слишком много силы в свое вращение, что вывело его из равновесия и едва не отправило в ручей. К счастью, пока он собирался с силами и поворачивался - на этот раз медленно - в сторону трех столбов, нападения не последовало.

"Я знаю, что вы там, так что выходите", - приказал он строгим голосом. Он не почувствовал в этом направлении никаких убийственных намерений, но для такого сложного гендзюцу, как это, это ничего не значило. Он подождал еще минуту, а затем сказал: "Мы оба знаем, почему ты здесь, так что просто выходи и покончи с этим, если можешь".

Медленно маленькая голова, покрытая густыми темно-синими волосами, выглянула из-за среднего столба, пока не показался один бледный, почти белый глаз.

"Хината-чан?" удивленно спросил Наруто, на мгновение расслабившись, но вспомнив, что на самом деле она не Хината, снова насторожился. Какое-то время они смотрели друг на друга, точнее, он смотрел на нее, а она - на клочок травы возле его ног, пока ее щеки горели от смущения, а потом Наруто закатил глаза и вздохнул. "Наверное, я должен был догадаться, что в конце концов он бросит тебя на меня". Может, Конохамару стоит за одним из других постов? Может, Эро-сеннин и Цунаде-баа-чан стоят за другим?"

"Я... э-э-э, н-нет, Наруто-кун", - заикнулась Хината, все еще не встречаясь с ним взглядом. Она подняла руки перед грудью и сжала указательные пальцы, чего он давно за ней не замечал. "Я... я... единственная здесь".

Наруто фыркнул и вернулся к своей куртке. "Ладно, как скажешь, если захочешь поболтать со мной или если змея наконец-то решила перестать шутить и ты пришел напасть на меня, не стесняйся. Я просто буду чистить эту фальшивую куртку в фальшивой реке, чтобы избавиться от этой чертовой фальшивой вони".

Хината не стала спешить к нему и нападать, а медленно приблизилась к нему, как будто ей было так же трудно идти, как и Наруто. Наконец, она подошла к нему на расстояние около метра и остановилась, глядя на его голую спину, на которой он снова обрабатывал куртку в ручье.

Хината почувствовала, что ее лицо потеплело еще больше, чем когда она нашла его там несколько минут назад, и наблюдала за ним издалека. Ее глаза от природы были невероятно острыми, даже когда ее бьякуган не был активирован, но на таком расстоянии казалось, что она видит каждый мускул, работающий под гладкой загорелой кожей, каждую капельку воды, стекающую по его плечам и спине, и...

Она быстро опустилась на колени и стала наблюдать за тем, что делают его руки, не желая поддаваться искушению опозорить себя, еще раз взглянув на его тело, пока он работает. "Что случилось?" - спросила она наконец.

Наруто посмотрел на нее, его глаза на мгновение стали узкими и опасными, и Хината тяжело сглотнула, готовая уйти, если он спросит, но его лицо быстро смягчилось. "Я даже не могу злиться на тебя, когда знаю, что ты не настоящая... как это странно?"

"Прошу прощения, Наруто-кун?" - растерянно спросил Хёуга.

"Неважно, это не имеет значения", - ответил он, возвращаясь к своей куртке, поднял ее, понюхал и с разочарованным ворчанием засунул обратно в ручей.

Хината долго молчала, набираясь храбрости, а потом спросила тихим голосом: "Не хочешь ли ты... немного... помочь?"

Наруто еще раз поднял куртку, понюхал ее и швырнул в ее сторону, едва не ударив ее по лицу мокрой, дурно пахнущей одеждой. "Прости", - пробормотал он, заметив, как она быстро подняла руки, чтобы перехватить его, - грязная вода все еще забрызгивала ее лицо.

"Все в порядке, - ответила она, вытирая рукавом неприятно пахнущую жидкость, - это был несчастный случай".

Наруто пожал плечами, понимая, что это был не совсем несчастный случай, но не желая спорить с призраком своего воображения о том, нужно ли ему извиняться. Хината, настоящая Хината, была единственной из его друзей, кто пережил большую часть войны, потому что ее клан требовал, чтобы ее все больше укрывали, когда дела шли плохо, и особенно после смерти Ханаби, но теперь даже она была мертва. Он смутно помнил, как увидел ее тело, лежащее в луже крови, когда нашел Орочимару в Конохе, а ее муж был прижат к дереву неподалеку - меч пронзил его спину, как будто он убегал в момент смерти.

http://tl.rulate.ru/book/101560/3504828